

О.А. Новикова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия
УДК 821.161

ПАСХАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ЛИРИКЕ АЛЕКСЕЯ ГМЫРЕВА

Ключевые слова: русская литература XX века, пролетарская поэзия, Алексей Гмырев, пасхальные мотивы, стихотворение «Благовест» (1907).

В центре внимания автора статьи – лирика Алексея Гмырева (1887–1911), поэта трагической судьбы, одного из ярких представителей ранней пролетарской поэзии. Предметом исследования стали пасхальные мотивы (страдания, одиночества, искупительной жертвы, поиска пути, несения креста, моления, пробуждения, бессмертия), явно выраженные в творчестве поэта. Отмечена характерная весенняя атрибутика поэтических текстов, с соответствующей цветописью (красный / золотой; голубой / лазурный). Значительная часть статьи посвящена анализу автобиографического стихотворения «Благовест» (1907), занимающего особое место в литературном наследии А. Гмырева. В нем наблюдается концентрация пасхальных мотивов и христианских образов. В данном стихотворении также обнаруживаются смоленские мотивы, не выявленные в других произведениях автора. Отмечено также, что в одном из последних стихотворений поэта «Приди. Спаси меня...» (1911) открыто педалированы мотивы несения «креста» и «торного пути». Сформулировать общие выводы по заявленной теме помогло обращение также к любовной и пейзажной лирике А. Гмырева.

«Совершенно особенное празднование Пасхи, Воскресения Господня, как известно, является характернейшей особенностью русской культуры» [Есаулов, 23], – констатирует И.А. Есаулов, автор концептуального труда «Пасхальность русской словесности» (2004). Опираясь на известное рассуждение Ф.М. Достоевского «о глубинном присутствии Христа в сердце народа», проявляющемся зачастую «бессознательно», ученый обнаруживает «пасхальный архетип» у писателей, на первый взгляд далеких от религиозности, например, даже у «авторов, издавна имеющих репутацию “сатириков-демократов”» [Есаулов, 15, 17]. Обращение к творческому наследию одного из ярких представителей ранней пролетарской поэзии А.Н. Гмырева (1887–1911) дает возможность убедиться в верности приведенных высказываний.

Алексей Михайлович Гмырев родился 17 (29) марта 1887 года в Смоленске, жил на ул. Петропавловской (ныне ул. Кашена). Отец – в прошлом крестьянин деревни Лоево Хохловской волости Смоленской

губернии. В поисках лучшей доли он перебрался в город, где работал железнодорожным кондуктором. Вспоминая о своем «печальном» детстве, будущий поэт рассказывал друзьям о том, что в четыре года лишился матери, его воспитывала сестра, а затем мачеха, так как отец по роду деятельности часто отсутствовал дома. Мачеха была «суровой» женщиной: пасынка она не любила, «постоянно ворчала», «иногда даже била». «Я не знал ласки, которой так жадно хотело мое детское сердце, и жил одиноко, как маленький зверек» [Гмырев, 1961, 150–151], – признавался Гмырев. Когда он в семь лет поступил в начальное городское училище, стало еще «тяжелее». Мачеха, будучи неграмотной, не выносила вида ребенка, сидящего за учебниками. Поэтому мальчику часто приходилось готовить уроки у своего товарища Пани Терентьева, а книги перед возвращением домой оставлять у друга или зарывать под деревом. Невзирая на препятствия, Алексею удалось закончить начальное училище, а затем еще три класса учебного заведения следующей ступени – шестиклассного городского училища. После смерти отца в 1902 году приехавший из г. Николаева старший брат забрал подростка к себе. Так завершится смоленский период Алексея Гмырева. А исследователям впоследствии буквально по крупицам придется собирать сведения об истоках творчества поэта.

Стихотворение «Благовест» (1907), пронизанное воспоминаниями о детстве, проведенном вблизи одного из древнейших смоленских храмов XII века – церкви Петра и Павла, занимает особое место в литературном наследии Гмырева. В частности, в данном тексте обнаруживаются смоленские мотивы, не выявленные в других произведениях. К тому же они неразрывно связаны с пасхальными мотивами и православной образностью, не характерными для пролетарской поэзии в целом.

Так, лирический (и безусловно автобиографический) герой стихотворения, находясь в тюрьме, слышит «благовест пасхальный». Он напомнил ему светлые страницы далекого смоленского прошлого:

Благовест весенний, благовест пасхальный
В воздухе лазурном весело гудит.
Только для меня он песней погребальной
И воспоминаньем прошлого звучит.

А давно когда-то я, свободный, юный,
Средь родных и близких, дорогих людей
Ночкою весенней, ночною безлунной
Ждал с приятной грустью этих светлых дней.

И они являлись. Детскому желанью
Шли навстречу счастье, радость и весна.
Чуждо было сердцу мрачное страданье;
Чужда была сердцу жизни глубина [Гмырев, 1965, 351].

Пасхальный перезвон ассоциируется у поэта с главным православным праздником Светлого Христова Воскресения, встречаемого в кругу самых близких и родных людей (по-видимому, запечатлено время до смерти матери, когда семья была еще полной и счастливой). Это вполне объяснимо, ибо на улице, на которой жили Гмыревы, находится старинный смоленский храм. Дальнейший поток воспоминаний связан с приобщением героя к революционной деятельности:

Но промчалось детство. Жизни злое море
Из гнезда родного вырвало меня.
В первый раз сдавило мое сердце горе,
И в пучину жизни погрузился я.

Вместо материнской теплой, нежной ласки,
Вместо поцелуев и приветных слов
Надо мной раздались вихри злобной пляски,
Бешеных, тяжелых заводских станков.

Потянулись годы. Сила молодая
Тщетно выбивалась из ярма невзгод,
Зрела в юном сердце искра огневая,
И все ненавистней становился гнет.

И без колебания, радостный и гордый,
Я вошел под знамя воли и труда.
Загорелось сердце силой новой, твердой,
И понятней стала для меня нужда... [Там же].

Лирический герой не случайно вспоминает о «поцелуях и приветных словах» – неотъемлемой части Пасхального христосования. Однако для героя эта светлая часть жизни уже в прошлом, как и священные знамена церкви – хоругви, замененные на алое «знамя воли и труда».

Воспевая восставших «гордых рабов», их «грозную месть», лирический герой завершает свой рассказ тем не менее не оптимистической нотой, а нотой скорби, сожаления о своей загубленной судьбе:

Только мне на долю пал удел печальный:
Догорает юность в душевной полутьме.
Благовест весенний, благовест пасхальный,
Не звучи весельем: я в тюрьме, в тюрьме! [Там же, 352]

В этих финальных строках благовест – праздничный церковный колокольный звон трансформируется в звон поминальный. Такого рода трансформации означенных образов позволяют выявить содержащееся в подтексте уподобление обреченного на страдания за новую веру молодого революционера Спасителю, испытавшему крестные муки на земле.

Мотив страдания пронизывает лирику Гмырева. Во многом это объясняется фактами его биографии. 15-летнего Алексея брат устроил

учеником слесаря в котельный цех Николаевского судостроительного завода «Наваль». Работать приходилось по 11–12 часов в сутки, получая 4 копейки за час (зарплата оказывалась скудной, ибо действовала жесточайшая система штрафов). На заводе Гмырев получил и свои первые уроки рабочей солидарности. Вскоре он уже числился не просто в списках «неблагонадежных», а среди «политических агитаторов», активно распространяющих прокламации по заданию социал-демократической организации. После первого ареста в 1904 году и проведенных нескольких месяцев тюрьмы Гмырев уже не мог попасть обратно на завод и поэтому был обречен вести голодную и скитальческую жизнь безработного. В 1905 году он был еще трижды арестован, а 18 сентября того же года был отправлен по этапу в Симбирск. Тогда ему удалось бежать и вернуться домой.

В том же 1905 году происходят важные события в жизни Алексея Гмырева. Он встретил свою будущую невесту Марию Козлову. Сохранившиеся письма и стихи, адресованные «Марусе», свидетельствуют о большом чувстве автора. Им наполнится его искренняя любовная лирика. «Ангел мой», «голубка нежная» – так обращается к возлюбленной лирический герой. Благодаря М. Козловой был восстановлен и сохранен первый из известных поэтических текстов Гмырева «Ладья жизни», датированный октябрём 1905 г. Это время принято считать началом его стихотворчества. Главной темой поэзии Гмырева станет тема борьбы рабочего класса за освобождение, а ведущим мотивом – призыв к самопожертвованию и самоотречению во имя революционной идеи. Характерны строки из его программно-стихотворения «Призыв»:

Нет, товарищи, так дольше жить нельзя!
Лучше смерть, чем жизнь позорная рабов!
Выходите же на улицу, друзья,
Из своих прогнивших домиков-гробов!

Прочь бессилье! Становитесь в ряды,
И вперед, на верх горящих баррикад!
За свободу! Против мрака и нужды!
Тот изменник, кто вернется с них назад.

Кровь прольется... Ну, так что же? Без крови
Ни один народ свободы не добыл, –
Царство воли, царство счастья и любви
Люди строят на развалинах могил... [Там же, 331]

Желание устроить Царство Божие, райскую жизнь на земле – это проявление фантастической утопии «пролетарского рая» Гмырева, что схоже с желанием новокрестьянских поэтов (и С. Есенина в частности) в ходе революции–«преображения» возвести «мужицкий рай». Современные исследователи видят истоки поэтики и пафоса пролетарской поэзии в России «в философских изысканиях вокруг так называ-

емой “русской идеи”», проявившейся в трудах Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Н.И. Бердяева; «В революционном сознании носителем русской идеи становится пролетариат – т. н. “Железный Мессия”» [Ястребов].

После поражения Декабрьского вооруженного восстания массовые аресты начались и в Николаеве. 26 января 1906 года Гмырев вновь был арестован и 4 месяца отсидел в исправительно-арестантском отделении, вместе с другими заключенными объявлял голодовку, требуя освобождения. В конце мая был выслан в с. Ракулы Архангельской губернии. По дороге к месту ссылки он заболел воспалением легких и задержался в с. Холмогоры. Отсюда совершил очередной побег в июне 1906 г. Вернувшись в Николаев, жил на нелегальном положении, не оставив при этом пропагандистской деятельности. В ночь на 9 сентября 1906 года Гмырев был задержан в Елисаветграде (Кировограде), зайдя на квартиру своего товарища А.И. Прочухина, у которого в это время шел обыск по подозрению в убийстве помещика. Не причастный к делу Гмырев оказался главным подозреваемым (трое подозреваемых были в бегах) и до весны 1907 года находился в тюрьме (то в Елисаветградской, то в Херсонской).

Заключение в уголовной среде, голод и холод начали сказываться на здоровье революционера. «Здоровье мое, которым я так гордился на свободе, медленно, мучительно угасает» [Гмырев, 1961, 106], – писал он своей Марусе из тюрьмы 20 мая 1906 г. Тогда же поделился с ней горькой вестью, пришедшей с малой родины: «В Смоленске в тюрьме покончил жизнь самоубийством мой самый первый и хороший друг Паня Терентьев (он же Васильев). Мы друг друга называли “братчиками” – помнишь, я тебе рассказывал о нем. Он был поразительно похож на меня. <...> Его арестовали на Петропавловской улице (на этой улице я родился и рос. Много выстрадал, как, помнишь, я тебе рассказывал). Арестовали его и жестоко избили. Затем привели в участок и там стали бить. Перебили позвоночник во многих местах, пробили голову, а затем отправили в тюрьму и, избитого, истерзанного, посадили в одиночную камеру, не оказав никакой медицинской помощи. Возле него стояла кружка с водой, он мочил платок в воде и прикладывал к глубоким ранам. Он не мог больше переносить физических страданий и на тонкой бечевке повесился. Привязав бечевку к решетке тюремного окна, мой милый, хороший братчик повесился. Когда я прочел это известие, то разрыдался, как ребенок. Клянусь, что я во что бы то ни стало отомщу его убийцам» [Гмырев, 1961, 106–107]. В этом же письме Гмырев сообщает своей любимой «ласточке» о грядущих планах: поехать в Смоленск, чтобы «получить свой паспорт», вернуться, «поступить куда-либо работать» и зажить со своей «нежной Марией <...> дружно, счастливо, хорошо» [Гмырев, 1961, 108]. Но планы

эти не сбылись. 26 января 1908 года состоялся суд по делу убитого помещика. Несмотря на полное отсутствие улик, поэт был осужден на каторжные работы на 10 лет (по факту срок был снижен до 6 лет и 8 месяцев, т.к. обвиняемому не исполнился 21 год). Свой оставшийся срок жизни Гмырев проведет отрезанным от всего мира, замурованным «в келье тоскливой и душной». Мотив затворничества, нахождения в неволе, одиночества с этого момента становится ведущим в его лирике:

Давит грудь мою жестокая неволя.
Я один... один... Мне некому излить
Злой тоски... От жуткой, острой, жгучей боли
Сердце стонет и зовет меня любить [Гмырев, 1965, 335].
(«Из стен тюрьмы»)

Одиноким, озлобленным, злым насильем побежденным,
я сижу ожесточенный в душном склепе под замком,
Я звеню во мгле цепями. Умирают дни за днями
за железными дверями под сверкающим штыком [Там же, 378].
(«Год за годом без участия...»)

Тяжелое положение героя (произведения пронизывают мотивы грусти, отчаяния, доходящего до желания «о серые стены голову разбить») усугубляется разлукой с любимой (см. «Не жди меня», «Ты истомилась без меня...», «Ты забыла меня...», «Посвящается той, кто любит, как я...» и др.).

Герой лирики Гмырева полностью отдается революционной борьбе, но вместе с тем он устремлен «к познанию полноты жизни», которое выражается, в том числе, и в любви к природе. Герой-узник жаждет вырваться из кошмарного плена на волю, убежать в неоглядные просторы лесов. Жизнь, во всех ее проявлениях, недоступная герою за решеткой, от этого становится еще более желанной и притягательной. Вследствие такого эстетического восприятия природы возникает пейзажная лирика Гмырева («На груди природы», «На озере», «Метель», «Облака», «На заре», «Ночью», «К осени», «Ночь идет», «Утро» и др.). В стихотворении «К солнышку» лирический герой, страдающий в «глухой темноте», упоминает о переполненной «чаше терпения» [Там же, 342]. Так, сочетая природные образы с христианскими, автор тем самым существенно расширяет смысловое поле текста.

Стихотворение «Благовест», о котором шла речь выше, уверенно можно отнести к пасхальному тексту. С.Ю. Николаева определяет следующие его «элементы»: «целостное единство, свой “язык”, свои мифы, праздничный хронотоп (приуроченность к весеннему праздничному циклу), пространственную дихотомию – путь к пасхальному чуду, спасательную функцию, единообразие символов и деталей, принцип зеркальности в структуре и на образном уровне» [Николаева, 2004, 17]. Так, «празднич-

ный хронотоп» заявлен в репрезентативном заглавии (благовест – вид церковного звона) и первой строке стихотворения: «Благовест весенний, благовест пасхальный...». Налицествует и «пространственная дихотомия»: «мир идеализированный» здесь олицетворяют детские воспоминания о «светлых днях», проведенных в «гнезде родном» и наполненных «счастьем, радостью и весной»; «мир реальный» – это «жизни злое море», «мрачное страдание», «горе» и «вихри злобной пляски». Пласт детских воспоминаний в стихотворении Гмырева позволяет говорить о характерном для пасхального текста образе «ребенка (пасхального херувима)» [Николаева, 2004, 8]; в данном случае это проявление одной из ипостасей лирического героя-«Праведника», носящего «на себе страстную печать Христа», как страдальца и мученика уже нового времени. Происходит в герое и обязательное «духовное перерождение» [Там же, 8]: «Загорелось сердце силой новой, твердой, / И понятней стала для меня нужда...» [Гмырев, 1965, 351]. В классическом пасхальном тексте обязательно показан путь героя «к нравственному спасению», а «стремление героев к идиллии приводит в итоге к пасхальному чуду» [Николаева, 2004, 8]. В анализируемом же тексте эти элементы можно рассматривать, помня о «принципе зеркальности»: ожидаемого «пасхального чуда» в финале не происходит (благовест оборачивается «песней погребальной»), однако в контексте написанного поэтом таковым воспринимается счастливое прошлое лирического героя, когда он находился в лоне семьи и церкви, празднуя Воскресение Христово.

Анализ большого корпуса произведений позволил С.Ю. Николаевой выделить основные мотивы пасхальных текстов: «“поиски пути”, “всеобщей любви”, “чуда перерождения”, (“возрождения”, “пробуждения”), “искупительной жертвы”, “покаяния”, “милосердия”, “страдания” (“страстей”, “Страстной седмицы”), “креста”, “дара”, “моления” (ребенка или над чашей), “бессмертия”, а также “одиночества”, “примирения”, “чуда спасения”, “раскаяния”, “блудного сына”, “предательства”, “фарисейства”, “отречения”)» [Там же, 9]. В стихотворении Гмырева из этого обширного перечня явственно обозначены мотивы «страдания», «пробуждения», «поиска пути»: юный герой, не желая мириться с «мрачным страданием», выбиваясь «из ярма невзгод», как и многие «молчаливо спавшие», приобщается к новой революционной жизни, встав «под знамя воли и труда» [Гмырев, 1965, 351–352]. Примечательно, что и в категории цветописы стихотворение «Благовест» соответствует «символике» пасхальных произведений, которым свойственно «сочетание золотого с красным или голубым, которые противопоставлены черному» [Николаева, 2004а]. В тексте Гмырева – словоупотребления оттенков голубого и красного цветов: «В воздухе лазурном»; «Заалело знамя» [Гмырев, 1965, 351]. И хотя «золотой» напрямую не назван, но образы «луча» и «искры» в

нашем сознании ассоциативно связаны с названным цветом, что подтверждают данные «Словаря эпитетов русского языка» [Горбачевич, 81, 96].

Пасхальное произведение «Благовест» служит определенным «ориентиром» для выявления пасхальных мотивов в других поэтических текстах Гмырева, не очевидных на первый взгляд. Так, акrostих-посвящение М. Козловой «Сон» (1908) представляет сновидение лирического героя, в основе которого – воспоминание:

Мне снилась весна в деревеньке родной
 Акации в белом наряде,
 Река, утонувшая в шири степной,
 Узоры теней на ограде,
 Сияние церкви и низеньких хат,
 Янтарно-прозрачное небо,
 Кайма облаков и роскошный закат
 Объятого пламенем неба...
 Звенела печальная песня вдали,
 Любовью мой сон опьяняя...
 О, знаю, кто пел там, чьи муки росли
 В напеве печальном и нежном плыли
 Алмазные слезы роняя! [Гмырев, 1965, 369].

Запечатленный здесь пейзаж содержит приметы южной украинской природы («акации в белом наряде», «ширь степная»). Однако первая же строка о «весне в деревеньке родной» побуждает вспомнить о смоленском крае, где вблизи храма прошло детство поэта (ср. «Сияние церкви»). В конце произведения усиливается печальный настрой: автор дает абрис знакомого страдальца, в песне которого ощущаются «муки» и «Алмазные слезы».

Мотивами «страданий», «искупительной жертвы» наполнена лирика Гмырева («Прощание», «Мои песни», «Под звуки скрипки», «После суда», «Пусть жизнь безрадостна, пусть жизнь полна страданья», «Майская ночь над землей опускается» и др.):

Знайτε, товарищи: годы страданья
 Местью, борьбою я вмиг искуплю! [Гмырев, 1965, 339].
«Мои песни»

Хотелось, забывши невзгоды,
 Бороться, страдать и любить.
 Хотелось родному народу
 Все струны души посвятить. [Там же, 356].
«Под звуки скрипки»

Хорошо умереть, беспредельно любя
 Волю светлую, страстный простор,

Умереть, моя родина-мать, за тебя,
За страдания твои и позор. [Там же, 374].
«Хорошо умереть»

Находим у Гмырева и яркие примеры реализации мотива «моления», который совсем не свойствен сложившемуся в массовом сознании портрету революционера-борца:

За тихой рощей, в морозном поле
Поют отзвучно колокола...
Покой и роскошь! Легко на воле!
Душа, как утро, светла, светла...
Благоговейно склонив колени,
Внимаю пенью колоколов...
Ликует небо. Зыбятся тени,
В душе молитва без слов, без слов [Там же, 330].
«Беглец»

В стихотворении «Прости» (1910) слова молитвы звучат во спасение любимой:

Быть может, ты больна? «О Господи, спаси!
Спаси ее от бед, болезней, преступленья
И чашу зол людских над ней не расплещи!» [Там же, 386]

Тяжело больной (у поэта прогрессировала чахотка), лишенный воздуха и солнца, закованный в кандалы, сам Гмырев, предчувствуя приближение смерти, писал невесте 25 февраля 1910 года: «Переутомился я, родная, и едва ли донесу свой крест. А умирать не хочется. Если бы ты знала, как не хочется умирать!» [Гмырев, 1961, 130]. Мотив «торного пути», «креста» открыто педалирован в одном из последних стихотворений поэта «Приди. Спаси меня...» – пожалуй, самом христианском в наследии поэта:

Приди. Спаси меня
От горя и тревог.
Под ношей бытия
Терпел я сколько мог.

Но крест свой до конца
По торному пути
Мне без любви венца –
Увы! – не донести [Гмырев, 1965, 388].

Последние дни уже смертельно больной автор провел в херсонской тюремной больнице. «Худой до неузнаваемости, с бледным, до синевы прозрачным лицом, с посиневшими губами, с грустными, глубоко запавшими глазами – это был живой скелет, высохший, осунувшийся, сутулый, с опущенными плечами. Узнать его можно было только еще по

голосу, по его теплым, ласковым словам. Я невольно закрыла глаза. На него нельзя было смотреть без жгучей боли в сердце. Куда девался тот стройный, веселый, жизнерадостный, всегда с гордо поднятой головой юноша. Я молча смотрела на него и плакала» [Гмырев, 1961, 167], – таким запомнила своего сердечного друга Мария в их последнее свидание. М. Ханин писал: «Последние две недели дались страдальцу нелегко. Жестокый, надрывающий душу кашель терзал беспрерывно измученную грудь, а специфический, липкий пот насквозь пропитывал все белье и постель. <...> Целый день то сидя, то полулежа на тощей соломенной подушке, он держал в прозрачной, исхудавшей руке тонкую синюю тетрадь и быстро-быстро, нервными движениями записывал в ней что-то карандашом. <...> Только дней за восемь до кончины он совсем перестал извлекать ее из-под подушки» [Гмырев, 1961, 179].

Умер поэт на 25-м году жизни 11 (24) сентября 1911 г. Похоронили его вместе с двумя другими заключенными на арестантском участке городского кладбища. Сбылось стихотворное пророчество: «Далеко за тюрьмой, где клубится туман, / Без обряда схоронят меня» [Гмырев, 1965, 390]; Мария Козлова с большим трудом отыскала могилу поэта.

При жизни Гмырева появилось в печати лишь несколько произведений. Многие из того, что было написано в неволе, не сохранилось. Уцелевшие стихи были опубликованы в 1912 году в «Невской звезде» и «Правде»; в 1926 году вышел первый сборник Гмырева «За решеткой». В 1960-е годы о поэте вновь вспомнили: в разных издательствах были выпущены книги стихов, писем, мемуаров о нем (в том числе в авторитетной серии «Библиотека поэта» [Гмырев, 1965]).

В Николаеве имя поэта носят улица и областная универсальная научная библиотека. На улице Сидорчука, 4 к 80-летию поэта на доме, где он жил в 1903–1905 годах, была установлена мемориальная доска, а в 1968 году в городе появился памятник Гмыреву скульптора О.А. Здиховского и архитектора Е.П.Теляшовой. Именем поэта-смолянина названа и улица в г. Херсоне.

В одном из последних стихотворений поэт сказал: «Зазвенят мои песни по шире степей» [Там же, 390]. Сбылось и это пророчество: на его стихи были созданы музыкальные произведения композиторами Дмитрием Шостаковичем, Александром Флярковским, Маргаритой Кусс. М. Шолохов назвал Алексея Гмырева «одаренным русским поэтом».

ЛИТЕРАТУРА

Гмырев А.М. Стихи. Письма / Сост., предисл. и коммент. И.Т. Трофимова. Смоленск: Кн. изд-во, 1961. 202 с.

Горбачевич К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб.: Норинт, 2002. 224с.

Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М.: Круг, 2004. 559 с.

Николаева С.Ю. Пасхальный текст в русской литературе XIX века: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Лит. ин-т им. А.М. Горького. М., 2004. 19 с.

Николаева С.Ю. Пасхальный текст в русской литературе XIX века : Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01: Москва, 2004а. 218 с. URL: <http://cheloveknauka.com/pashalnyy-tekst-v-russkoy-literature-xix-veka#ixzz7CrIUBGNW> (дата обращения: 09.09.2021).

У истоков русской пролетарской поэзии: Е.Е. Нечаев, Ф.С. Шкулев, А.М. Гмырев / Биогр. справки, подготовка текста и примеч. Р.А. Шацевой и О.Е. Афоной. М.; Л.: Сов. писатель. [Ленингр. отд-ние], 1965. 451 с.

Ястребов И.В. Пролетарская поэзия 20-х годов в России и в Чехословакии. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-130332.html?page=9> (дата обращения: 09.09.2021).

O.A. Novikova

Smolensk State University

Smolensk, Russia

EASTER MOTIFS IN THE LYRICS OF ALEXEY GMYREV

Key words: Russian literature of the twentieth century, proletarian poetry, Alexey Gmyrev, Easter motifs, the poem "Blagovest" (1907).

The author of the article focuses on the lyrics of Alexey Gmyrev (1887–1911), a poet of tragic fate, one of the brightest representatives of early proletarian poetry. The subject of the study was Easter motifs (suffering, loneliness, atoning sacrifice, finding the way, carrying the cross, supplication, awakening, immortality), clearly expressed in the poet's work. The characteristic spring attributes of poetic texts are noted, with the corresponding color scheme (red / gold; blue / azure). A significant part of the article is devoted to the analysis of the autobiographical poem "Blagovest" (1907), which occupies a special place in the literary heritage of A. Gmyrev. There is a concentration of Easter motifs and Christian images in it. This poem also reveals Smolensk motifs which are not found in other works of the author. It is also noted that in one of the poet's last poems "Come. Save me ..." (1911) the motifs of carrying the "cross" and "torny way" are openly pedaled. The appeal to the love and landscape lyrics of A. Gmyrev also helped to formulate general conclusions on the stated topic.

REFERENCES

Gmyrev A.M. Poems. Letters [Stihi. Pis'ma]. Smolensk, Kn. izd-vo, 1961. 202 p. (in Russian)

Gorbachevich K.S. Dictionary of epithets of the Russian literary language [Slovar' epitetov russkogo literaturnogo yazyka]. St. Petersburg, Norint, 2002. 224 p. (in Russian)

Esaulov I.A. Paschality of Russian literature [Paskhal'nost' russkoj slovesnosti]. Moscow, Krug, 2004. 559 p. (in Russian)

Nikolaeva S.YU. Easter text in the Russian literature of the XIX century: abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences: 10.01.01 [Paskhal'nyj tekst v russkoj literature XIX veka: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.01.01]. Moscow, 2004. 19 p. (in Russian)

Nikolaeva S.YU. Easter text in the Russian literature of the XIX century : Dis. ... Candidate of Philology : 10.01.01 [Paskhal'nyj tekst v russkoj literature XIX veka : Dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01. Moscow, 2004. 218 p. Available at: <http://cheloveknauka.com/pashalnyy-tekst-v-russkoj-literature-xix-veka#ixzz7CrIUBGNW> (accessed 09.09.2021). (in Russian)

At the origins of Russian proletarian poetry: E.E. Nechaev, F.S. Shkulev, A.M. Gmyrev [U istokov russkoj proletarskoj poezii: E.E. Nechaev, F.S. SHkulev, A.M. Gmyrev]. Moscow, Leningrad, Sov. pisatel'. [Leningr. otd-nie], 1965. 451 p. (in Russian)

Yastrebov I.V. Proletarian poetry of the 20s in Russia and Czechoslovakia [Proletarskaya poeziya 20-h godov v Rossii i v CHEkhoslovakii]. Available at: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-130332.html?page=9> (accessed 09.09.2021). (in Russian)

А.В. Радионова

*Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия
УДК 821.161.1*

ПОЭТИКА СТИХОТВОРЕНИЙ-МОЛИТВ РУССКИХ ПОЭТОВ

Ключевые слова: *стихотворения-молитвы, идиллия, анти-идиллия, этическое, credo, Б. Чичибабин.*

В работе рассматриваются особенности жанровой модели стихотворной молитвы. Сделаны выводы о динамике жанровой формы, о творческом переосмыслении канона в новой поэзии. Следствием взаимодействия разных жанровых образований в стихотворных молитвах стала тенденция к сочетанию компонентов гимна, credo, оды, послания, идиллии. В светской поэзии обнаруживается усложнение композиционного строения молитв, разнообразие адресатов обращения. Кроме именованного и просьбы, традиционного обращения к Богу, становятся распространенными обращения к третьему лицу или лицам, вводится актуально действующая аудитория. В статье также рассмотрена роль лирической ситуации credo в композиции стихотворений-молитв. Благодаря credo-компоненту в тексте усиливается этический аспект, формируются такие поджанры, как молитва-пророчество и молитва-проповедь. Особое внимание в работе уделено исследованию темы молитвы и жанра молитвы в поэтическом наследии Б. Чичибабина. Особенностью его молитв является расщепление отраженного поэзией образа Бога, когда множественные номинации являются Его атрибутами, в которых Он проявляет Себя в мире. В молитвах Чичибабина сочетаются идиллический и антиидиллический комплексы, выстраивается система доминирующих этических ценностей: работа – дружба – тишина – покой. Еще